

«УТВЕРЖДАЮ»

**Первый проректор –
проректор
по развитию науки и инноваций
Южного федерального университета,**

д. э. н., проф.

М.В. Сероштан

2014 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

о диссертации Елизаветы Андреевны Ивановой

«Жанр «новой биографии» в творчестве Эмиля Людвига»

**на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.03 литература народов стран зарубежья
(немецкая литература)**

Рецензируемая диссертация Ивановой Елизаветы Андреевны посвящена не исследованному отечественной гуманитаристикой и малоисследованному зарубежными германистами творчеству Эмиля Людвига – представителя немецкой «новой биографии»: не существует ни одной монографии, посвященной Э. Людвигу (с. 22).

Актуальность поднятой темы очевидна с нескольких важных позиций. Во-первых, это биографический бум, проиллюстрированный во Введении говорящими за себя цифрами (премии, ассортимент интернет-магазинов, СМИ, книгоиздательская политика). Во-вторых, несомненная популярность текстов Э. Людвига, тиражи книг которого исчислялись миллионами экземпляров, а героями становились великие личности (Гёте, Наполеон,

Бисмарк, Микеланджело, Иисус Христос, Шлиман, Рембрандт), интерес к которым не затихает (с. 10-11), В-третьих, актуально обращение к сложному феномену, столь характерному для современного релятивизма, размытости идеологических идентификаций - к «противоречивости политического мировоззрения Людвига, сочетавшего приверженность республике и демократии с почитанием героических личностей» (с. 16). В-четвертых, диссертантка глубоко проникает в социологическую симптоматику популярности жанра биографии исторической личности, связывая эту популярность в XX веке с реакцией на обезличивание массового общества. Кроме того, указана компенсаторная функция подобной литературы на фоне фрагментарной картины мира в модернистском романе: биография дает целостный портрет личности (с. 21). В-пятых, интерес представляет собственно теоретическая сторона работы, а именно «обращение к вопросам взаимодействия документального и художественно-образного начал в литературном произведении» (с. 4-5), что помогает пролить свет не только на «гибридную природу» жанра биографии (с. 25), но и в целом разобраться в механизмах гибридизации, компиляции, конвергенции жанров и стилей, методов и нарративных модальностей.

Перечисленные аспекты одинаково значимы в свете антропологического поворота конца XX века и ревизии жанровых категорий в литературоведении. Нельзя не согласиться с обоснованностью тезиса рецензируемого исследования, согласно которому «историко-литературная реконструкция переломного эпизода в истории немецкой биографии, в центре которого стоял Э. Людвиг, помогает уточнить жанровую природу «новой биографии» и тем самым пролить свет на литературные механизмы, лежащие в основе сегодняшней популярности жанра» (с. 25).

Е.А. Иванова убедительно доказывает во Введении репрезентативность творчества Э. Людвига для понимания историко-литературного анализа феномена популярности жанра биографии, выходя на уровень социологии литературы, столь необходимой сегодня в интерпретации таких явлений, как

постмодернизм, рецепция массовой литературы, социология массового чтения, механизмов продвижения литературного рынка.

Не подлежит сомнению сформулированная диссертанткой историко-литературная новизна исследования, состоящая «в анализе жанра «новой биографии» в творчестве её крупнейшего немецкого представителя Э. Людвига на фоне споров о биографии в Веймарской Германии, а также в попытке определить его отношение к предшествующей национальной традиции в биографическом жанре» (с. 6). Теоретическую новизну работы автор видит в возможности через анализ текстов Э. Людвига «выделить системные отличия «новой биографии» от жанра романа и предложить тем самым конкретные критерии для разграничения жанров в качестве инструментария литературоведческого анализа» (с. 6).

Насколько убедительно решает автор свои задачи? Прежде чем рассмотреть основную часть работы, обратим внимание на один из аспектов Введения.

При всей обоснованности ключевых его пунктов (актуальность, новизна, предмет, цель и задачи, тезисы), остается несколько не проясненной методологическая база. Так, на с. 6 читаем: «Методологической базой исследования стали классические и современные работы по теории биографии отечественных и зарубежных учёных». Далее в описательно-перечислительном модусе даются краткие сведения из истории вопроса, однако на какие методы опирались перечисленные ученые и каких методов придерживается диссертантка, не уточняется – затрагивается лишь тематика приведенных исследований (как-то: «проблемы нарративного строения биографии, мифологизации жизни объекта биографического описания и возможных путей развития жанра», «культурно-исторические причины» - с. 8, «нарративное строение биографии» - с. 9). Автор почти подходит к методологическому анализу упомянутых работ, в частности, указывая на связь немецких биографий с *историографией*, ссылаясь на внушительный ряд коллективных сборников и отдельных работ (В. Хардтвиг, Э. Шютц, У.

Киттштейн и др.), или упоминая книгу К. фон Циммермана по «биографической антропологии», что могло бы вывести на значимый в персонологии рубежа 1990-2000-х *антропологический поворот*, однако эти методологические идеи не развернуты (с. 9).

Правда, затем указанная методологическая неясность компенсируется теоретической главой (Глава 1), где и освещаются основательно подходы к описанию и интерпретации различных жанровых разновидностей биографии. Однако следовало бы, вероятно, точно и лаконично осветить методы исследования во Введении.

Следует отметить, что во Введении (с. 8-10) и в Главе 1 (подраздел 1.1) диссертантка обнаруживает глубокую осведомленность о состоянии вопроса (биографических штудиях), в особенности в отношении немецкоязычной ветви данных исследований, включая деятельность гуманитарных институций (например, Венского Института истории и теории биографии Людвига Больцмана). Собственно, обширный и обстоятельный обзор истории изучения жанра (с. 6-9), творческую биографию самого Э. Людвига и «историю критической рецепции» его творчества (с. 10-14) логично было бы поместить в рубрику «Состояние изученности темы», так и не выделенную диссертанткой. Это вдвойне обоснованно, поскольку Е.А. Иванова дает блестящий разбор истории исследования творчества Э. Людвига немецко-, англо- и русскоязычными историками, литературоведами, культурологами (с. 10-23). В свою очередь, в рубрике, посвященной «методологической основе», следовало бы точно охарактеризовать используемые в работе методы, мотивацию их выбора, степень их сопряженности друг с другом, чтобы формулировка цели как «комплексного исследования» все-таки получила конкретизацию.

Таковы скорее композиционные, чем содержательные, шероховатости, обнаруживаемые в начале диссертации.

В Главе 1. «Новая биография» как этап истории биографического жанра. 1.1. Из истории биографии диссертантка прослеживает сложную

связь изменений в жанре *романе*, закрепившего в модернистском воплощении свою «протеическую» природу, сконцентрировавшего внимание на дробности, фрагментарности бытия и личности, и в жанре *биографии*, который в межвоенный период оформился в тип так называемой «новой биографии» (с. 37-39 и далее). Е.А. Иванова, в целом отмечая линию дегероизации, выделяет ее основные признаки: «повышенное внимание к внутреннему миру человека, подчёркнутая психологичность, установка на объективность, отказ от оценки и лакировки, часто иронический тон» (с. 37-38).

Однако существенной особенностью «новой биографии» является ее приверженность «более консервативному» (с. 39), чем в романе, взгляду на личность и бытие, что и позволило ей сохранить популярность в широкой читательской среде, стать в тревожные времена «прибежищем и утешением для среднего класса» (с. 40), в то время как модернистский роман явно тяготел к элитаризации читательской аудитории. Освещая историю европейских дискуссий 1920-1930-х гг. вокруг жанровой природы биографии, автор точно формулирует суть проблемы: это осознанная «психологизация» и «эстетизация», фикционализация биографии, т.е. ее сближение с психоанализом (в популярной форме) и с художественным повествованием. Биограф из «хроникера» превращается в «художника», предпочитая «правде факта» «правду вымысла» (В. Вулф) (с. 44-45), а интуитивно-интерпретативное начало заметно потесняет научно-объективное.

Автор диссертации логично подводит свой аналитический обзор к фигуре Э. Людвиг, который оказался приверженцем «новой биографии», с ее вниманием к интуитивному «вчувствованию» в материал. Не менее аргументированным выглядит и переход в заключительном подразделе Главы 1 к освещению актуального состояния теоретических дискуссий вокруг жанра биографии. Верно охарактеризованы тенденции второй половины XX в.: «Жёсткое противопоставление объективности и

субъективности во второй половине XX в. было снято благодаря лингвистическому повороту в философии и осознанию нарративной природы истории» (с. 55). Уделено внимание и столь важному аспекту, как изменение статуса самого объекта биографического нарратива: от великой личности к фигурам второго ряда, интерес к истории повседневности, обретшей самоценность. Кроме того, исторически верно прокомментирована и ситуация с автором биографии: диссертантка ссылается на точку зрения Ю.М. Лотмана, согласно которой в новейшей литературе фигура самого биографа «из служебной, посреднической становится всё более активной, созидательной» (с. 57). В этом контексте предсказуемо внимание диссертанта к неориторическим моделям описания биографического и исторического нарратива, в основе которого – типология текстов с точки зрения доминирующих в них тропов (Х. Уайт, А.Б. Надель). В повествовании Э. Людвига автором выделяются метафора и антитеза.

Следует в качестве одного из значимых достоинств работы отметить приверженность диссертантки академической объективности, диктующей вдумчивое, осторожное отношение к радикальным концепциям, в частности, к концепции «фикционализации» историографии Х. Уайта: признавая ее рациональнее зерно, созвучность ряду современных тенденций в историографии и биографическом повествовании, Е.А. Иванова находит срединный путь, демонстрируя далее, в Главах 2 и 3, внимательное и точное отношение к материалу, не позволяющее «подгонять» его под эффектные и быстро устаревающие радикальные методологии.

Глава 2 «Немецкая «историческая беллетристика» и Э. Людвиг как ее теоретик» содержит обстоятельный анализ культурно-исторического и литературного контекста, в котором формируется биографический метод Э. Людвига, раскрывается национальная специфика немецкой «новой биографии». Как убедительно демонстрирует автор, она развивается в особых условиях Веймарской республики, в атмосфере «кризиса историзма», либерализации политических взглядов и демократизации жанра биографии,

вступившей в конфронтацию с академическим подходом. Прослеживается, как термин «историческая беллетристика», возникший в 1928 г. в качестве уничижительного, постепенно обретает нейтральную коннотацию. Творчество Э. Людвига как адепта и даже «символа исторической беллетристики» (с. 71) рассмотрено в широком контексте, включающем дискуссии современных ему критиков, историографов, творчество других «исторических беллетристов», а также его собственные теоретические воззрения на жанр биографии, которые он довольно последовательно и смело отстаивал в периодической печати и в программных произведениях.

Подраздел 2.2. «Автобиография Э. Людвига «Подарки жизни» и его принципы биографического письма» посвящен подробному разбору биографического метода исследуемого автора. Наряду с вынесенным в заглавие текста анализируются также программные статьи Э. Людвига, в которых он сохраняет «практико-ориентированный» (с. 77) взгляд на труд теоретика биографии («История и поэзия» и др.). Акцентируется внимание на столь новаторских для 1920-1930-х гг. принципах Э. Людвига, как художественная селекция фактов, напряженно-драматургическая организация материала, доминирование интуиции, приоритет органического начала («биология», а не «история» как модель знания) и пр. «Подарки жизни. Реконструкция» предстает своего рода апробацией воззрений Э. Людвига на материале собственной биографии.

При анализе данного текста, впервые введенного в сферу литературоведческого рассмотрения, диссертантке удастся сохранить точный баланс между теоретической, эмпирико-описательной и переводческой стратегиями. Скрупулезная работа с немецкими оригиналами демонстрируется не только в ходе изложения и интерпретации, но и наглядно – в форме «Приложения» (с. 200-220), где приведены переводы избранных цитат из Э. Людвига с их постраничной локализацией в тексте диссертации. По сути, Е.А. Иванова позволяет отечественным специалистам впервые погрузиться в сюжетные, фактографические, идеологические и стилевые

особенности доселе неизвестного (или малоизвестного) образца немецкой «новой биографии».

Позиционирование Э. Людвига как «не учёного», а беллетриста аргументировано развернуто в **Главе 3** рецензируемой диссертации («Художественный мир биографий Э. Людвига»), где в основе анализа – категория, применяемая к литературно-художественным текстам. Материал представлен тремя произведениями, что позволяет автору вполне доказательно продемонстрировать ключевые черты биографического метода Э. Людвига.

Выбор диссертанткой текста биографии Гете можно считать очень удачным, т.к. это наиболее культовая фигура в романтическом биографическом дискурсе и именно на таком материале наиболее зримыми становятся традиционные и новаторские установки Э. Людвига. Как показывает автор, писатель соединял наивное доверие автобиографическим «свидетельствам» со смелостью субъективного вчувствования в них и равнодушием к научным трактовкам жизни его «объекта», сложившимся клише в его восприятии (например, пресловутым «олимпийскому спокойствию и гармоничности» Гёте – с. 99).

В биографии Вильгельма II диссертанткой выявляется степень политической актуальности текста, смелости дидактической позиции Э. Людвига, а также новаторское для жанра и для столь официального персонажа использование психоаналитического метода (с. 95-97). В целом, на материале исследуемых текстов, демонстрируется пренебрежение писателя, пренебрегающего изобилием внешнесобытийной фактуры, «полноте психологической и даже психофизиологической жизни героя» (с. 97).

Следует отметить характерную для рецензируемой работы «пристальность» прочтения стилистических свойств текстов Э. Людвига, тонкое разграничение авторской индивидуальности и клише (с. 109-110),

вдумчивое описание и логично организованную типологию тропов (в особенности метафор и антитез).

Подчеркнем также репрезентативность источниковедческой, историко-литературной и теоретической базы исследования. Библиография представлена обширным рядом произведений Э. Людвига, а также других представителей «новой биографии», в большинстве случаев прочитанных и анализируемых диссертанткой в оригинале. В круг рассмотрения автора вошли также ключевые работы по теории биографии (на русском, немецком, английском языках) и, в частности, по немецкой версии жанра биографии. Источники библиографического списка активно вовлечены в аналитическую и прикладную части диссертации, т.е. они эффективно «работают» на аргументацию автора.

Таким образом, работа Е.А. Ивановой отмечена полнотой аргументации (источники, история вопроса, развернутая прикладная часть), точным знанием материала, что придает обоснованный характер наблюдениям, систематике, предлагаемым интерпретациям и выводам диссертантки. Достоверность исследования достигается обширной доказательной базой: корректно цитируемым первоисточникам, теоретическим и историко-литературным работам.

При бесспорно высоком уровне историко-литературного, культурно-исторического анализа, работы с текстами, нельзя не отметить некоторых недочетов в теоретико-методологической организации исследования. В частности, не эксплицировано использование категории «художественного мира» и его компонентов (Глава 3), применение понятий «конфликт» и пр. к анализу гибридного, документально-художественного, текста. Соответственно, недостаточно четко разграничены декларации «исторических беллетристов» (в частности, о близости биографии и романа – с. 98) и собственно структура, жанровая природа их текстов.

Очевидно, что произведения Э. Людвига имеют и ощутимые признаки публицистики, тоже пролегающей в пограничной жанрово-стилевой зоне и

тоже обладающей свойствами «драматизации» (категория «конфликта»), а антитеза в публицистике часто становится «структурообразующей», как и в биографических текстах Э. Людвига о Вильгельме II, Гете, Наполеоне (с. 114-118). Кроме того, насыщенность тропами, которым уделено внимание в подразделе 3.3, также не является исключительным свойством литературно-художественного текста: они характерны для повседневной речи, рекламы, дискурса СМИ, философской эссеистики и пр. Недаром и диссертантка осторожно выбирает для трактовки героев биографий Э. Людвиг понятие «концепции», а не «образа»: в художественном мире литературного произведения речь могла бы идти исключительно об «образах» исторических личностей.

Не позволяют однозначно трактовать как «художественный» созданный Э. Людвигом мир исторических героев и отдельные нарушения в хронологии (пролепсисы и аналепсисы), которым посвящен подраздел 3.3. Наиболее убедительно применение категорий поэтики выглядит в подразделе 3.3.2, где анализируются приемы «сцены» «диалога» (в итоге они тщательно систематизированы – см. с. 168), нарушающие традиционную логику документального повествования, явственно «романизирующие» ее при помощи домысла и вымысла (с. 151-157). Хотя и здесь, как подчеркивает диссертантка, «по сравнению с богатством изображения действительности в романе, сцена в биографии оказывается редуцирована, ограничена документальной основой» (с. 163).

Сложность в выборе терминологии для анализа «гибридных» текстов объективно отражает общую ситуацию междисциплинарного плюрализма, ревизии литературоведческого понятийного аппарата. Диссертантка исследует тексты с дискуссионным жанровым статусом, что лишь подчеркивает творческую смелость, инновативность работы и перспективность избранной темы как в общетеоретических, так и в частных, прикладных аспектах. На основании изложенного можно подвести итог. Выводы автора работы сохраняют научную значимость не только для

немецкой версии биографического жанра, но и для типологии европейской и русской биографии, для осмысления культурных механизмов изображения человека в биографическом нарративе.

Завершая анализ диссертации Е.А. Андреевой, отметим в качестве очевидных достоинств ясность и строгость изложения, выверенность

конструктивный взгляд и четкую внутреннюю структуру, прекрасный стиль, дающий